

ДАНИЭЛА
СТИЛ

*Полет
длиною в жизнь*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

С80

Серия «Миры Даниэлы»

Danielle Steel
LONE EAGLE

Перевод с английского *В.А. Гришечкина*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi
International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Полет длиною в жизнь : [роман] / Даниэла Стил ;
[пер. с англ. В.А. Гришечкина]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2019. — 544 с. — (Миры Даниэлы).

ISBN 978-5-17-109443-0

Порою нам кажется, что прошлое осталось в прошлом, — но иногда нужно так мало, чтобы все, вроде бы давно забытое, вновь ожило в памяти!

Один телефонный звонок декабрьским днем — и воспоминания уносят Кейт Джемисон на долгие годы назад. В миг, когда она впервые встретилась взглядом с Джо Олбрайтом — человеком, изменившим всю ее жизнь.

Блестящий летчик, покоровивший небо, покорила и ее сердце, да и сам не остался равнодушным к очаровательной красавице.

Снова и снова они встречались и с каждым днем понимали, что созданы друг для друга.

Но один вопрос непрестанно терзал их обоих: кого Джо любит сильнее — Кейт или небо? Если однажды ему придется выбрать — каким будет его выбор?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Danielle Steel, 2001

© Перевод. В.А. Гришечкин, 2018

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-109443-0

Моим любимым Беатрикс, Тревору, Годду, Нику,
Саманте, Виктории, Ванессе, Максу и Заре.

Вы — самые лучшие люди на свете, самые
дорогие из всех, кого я знаю, и я люблю вас —
люблю всей душой и всем сердцем.

Ваша мама

Пролог

Декабрь 1974 г.

Звонок раздался, когда она меньше всего этого ожидала, — снежным декабрьским вечером, почти в годовщину со дня их первой встречи. Тридцать четыре года прошло с тех пор, тридцать четыре удивительных года!.. Кейт уже исполнилось пятьдесят один, а Джо — шестьдесят три, но, несмотря на то, что он успел столь многого достичь в жизни, он всегда казался ей гораздо моложе своих лет. Жизненная сила переполняла его — жизненная сила и невероятная, неподвластная годам энергия, не позволявшая ему долго сидеть на одном месте. Джо часто напоминал ей праздничный фейерверк-ракету — сколько она его помнила, он всегда устремлялся куда-то вперед и вверх, навстречу чему-то невидимому и недостижимому. От природы он был наделен даром воображения, пронизательностью, острым умом, каких не было ни у кого другого. Кейт поняла это сразу — в тот день и час, когда они впервые встретились. И она не ошиблась. Время открывало ей все новые и новые черточки в его характере, но то, что было вначале, осталось с ним навсегда. Правда, Кейт порой не понимала, откуда это у него и, главное, зачем это нужно, и все же с самых первых секунд она знала: он другой, не такой, как все, он — особенный и исключительный.

И других таких не сыщешь в целом свете.

Все эти тридцать четыре года Кейт воспринимала Джо не столько разумом, сколько всем своим существом, каждой клеточкой, каждой молекулой своего тела. Он вошел в нее, как воздух входит в легкие; сделался частью ее души, как кислород, который растворяется в крови. Быть может, с ним не всегда было уютно, спокойно, бес­тревожно — как, впрочем, и ему с ней. Однако место, которое Джо занял в ее жизни, было слишком важным, да и продолжалось это слишком долго, чтобы прожитые годы легко можно было вычеркнуть из памяти.

Конечно, за прошедшие десятилетия им не удалось избежать ссор и столкновений; в их жизни были вершины и пропасти, взлеты и падения, закаты и рассветы — но были и долгие, долгие периоды блаженного, ничем не нарушаемого покоя. Для Кейт Джо всегда был чем-то вроде Эвереста — вершиной, к которой следует стремиться; местом, которое необходимо во что бы то ни стало достичь, прежде чем начать обживать. С самого начала он был ее мечтой, чудесным сном, сладкой гре­зой. Джо был раем и адом и одновременно неким подо­бием чистилища, куда стремилась ее истерзанная душа. Он был ее гением, и, как всякому гению, ему были свой­ственны крайности, которые Кейт охотно или вынуж­денно ему прощала.

Впрочем, иначе и быть не могло, потому что каж­дый из них приносил в жизнь другого смысл и значе­ние, наполнял ее содержанием и цветом, хотя им случалось и пугать, и огорчать друг друга. Понимание, мир, любовь пришли к ним со временем — и с возрастом. А уроки, которые обоим пришлось усвоить, давались им не всегда легко.

С самого начала они были друг для друга испыта­нием, головоломкой, трудноразрешимой загадкой, жи­вым воплощением потаенных, полуосознанных
6 детских страхов и неразрешенных проблем. Но

под конец они стали друг для друга лекарством, обильно и вовремя изливавшимся на самые глубокие душевные раны. Время обкатало, отшлифовало обоих, и они притерлись друг к другу, точно два фрагмента головоломки, — плотно и без швов.

За тридцать четыре года, что они прожили вместе, Кейт и Джо сумели найти то, что дано не многим. Порой их отвлекал суетный шум окружающего мира, ослеплял первооткрывательский азарт, и все же оба знали: то, что они сумели отыскать, представляет собой подлинное и исключительно редкое сокровище. И все чаще и чаще прошедшие тридцать четыре года представлялись обоим волшебным танцем, непростым фигурам которого им приходилось учиться всю жизнь.

Кроме всего прочего, Джо отличался от обычных людей умением видеть то, что другим было просто недоступно. Должно быть, поэтому он не испытывал особенной нужды в обществе. Напротив, Джо чувствовал себя гораздо лучше, если его оставляли наедине с собой. Надо отдать ему должное, он сумел построить некий удивительный мир, центром которого был он сам. Джо часто казался Кейт чем-то вроде пророка или младшего бога из какого-то языческого пантеона, которому понадобилась своя собственная империя. И он не только создал для себя империю, но и по праву занял в ней трон верховного правителя. Ему удалось раздвинуть границы существующего мира и показать тем, кто был рядом, новые горизонты, о которых никто, кроме него, не подозревал. Джо был рожден для того, чтобы созидать вселенные, взламывать барьеры и устранять препятствия, мешавшие его постоянному стремлению вперед.

Когда зазвонил телефон, Кейт ни на секунду не усомнилась, что это Джо. Он уехал на несколько недель в Калифорнию. Кейт ждала его обратно

через пару дней и совсем не беспокоилась — к его неизбежным отлучкам она успела привыкнуть. Словно ясное солнышко, всходившее на востоке и опускавшееся на западе, Джо уезжал и возвращался, снова уезжал и снова возвращался. Но куда бы его ни заносило — будь то Токио, Гонконг или Саратов, — Кейт знала, что он всегда рядом, ибо самолет мог доставить его к ней в считанные часы, а с самолетами у Джо были свои особые отношения. Авиация давно стала частью его души — частью, которая для него значила многое, почти все. Джо полюбил самолеты с самого детства, и когда-то давно Кейт с горечью думала, что он нуждается в них куда больше, чем в ней. Но со временем она нашла в себе силы принять и это — принять, понять и разделить эту его страсть. Она даже научилась любить самолеты, как она любила его глаза, его руки, его душу, ибо все это являлось частями удивительной и сложной мозаики под названием Джо Олбрайт.

В этот день, успокоенная тишиной большого дома, вокруг которого лежали укутанные снегом холмы, Кейт работала над своим дневником. Когда в шесть вечера зазвонил телефон, за окнами было совсем темно, и Кейт даже вздрогнула и бросила взгляд на часы. Впрочем, она тут же улыбнулась и, откинув со лба прядь темно-каштановых, еще не тронутых сединой волос, потянулась к аппарату в полной уверенности, что услышит в трубке знакомый бархатистый баритон.

— Алло? — сказала она, готовясь погрузиться в мягкое тепло его голоса.

Краем глаза Кейт заметила, что снегопад за окнами усилился, и невольно подумала о том, что, когда дети приедут на Рождество, они застанут настоящую волшебную страну. Впрочем, у детей уже были свои дети, свои дела, свои знакомые и близкие, о которых они думали и о которых заботились, так что в по-

следнее время жизнь Кейт почти полностью была посвящена Джо. И в этом не было ничего удивительного, ибо Джо всегда занимал в ее сердце главное место.

— Миссис Олбрайт?

На мгновение Кейт почувствовала себя разочарованной. Но только на мгновение, потому что знала: Джо непременно позвонит тоже — быть может, позже, но позвонит. Он всегда звонил ей, хотя зачастую ему было совсем непросто добраться до работающего аппарата.

Между тем пауза в трубке затягивалась, словно обладатель смутно знакомого голоса на другом конце линии ждал, пока Кейт сама догадается, о чем пойдет речь. Несколько мгновений спустя Кейт вспомнила, кому может принадлежать этот голос: одному из новых помощников Джо, с которым ей уже приходилось разговаривать пару раз.

— С вами говорят из офиса мистера Олбрайта, — сказал он и снова замолчал, а Кейт, сама не зная почему, вдруг подумала, что молодой человек звонит вовсе не ей, а Джо. Ей даже почудилось, будто Джо стоит прямо за ее спиной, однако это, конечно, была игра воображения.

— Я слушаю вас, — сказала она как можно мягче.

— Я... Простите, пожалуйста, но... Дело в том, что произошло несчастье. Ужасное несчастье...

Услышав эти слова, Кейт похолодела. Нет, не похолодела — она буквально заледенела, словно вдруг оказалась голышом на снегу. Она поняла, что могло случиться, еще до того, как молодой человек объяснил, в чем дело.

Несчастье... Он сказал — ужасное несчастье... Что же это, господи?!!

Подсознательно Кейт всегда ждала какой-нибудь беды, но Джо удалось убедить ее, что ничего страшного с ним случиться не может. Он был застрахован от всякого рода несчастий, он не совершал

ошибок и промахов, он был бессмертен и... непогрешим. Когда они только познакомились, Джо шутя сказал ей, что когда-то у него было сто жизней, но девяносто девять он уже истратил. Однако Кейт всегда казалось, что у него в запасе всегда есть еще одна, сто первая, сто вторая, сто третья жизнь...

— Сегодня вечером он вылетел в Альбукерке, — сказал голос в трубке, и Кейт вдруг ясно услышала, как в комнате тикают часы. От этого звука у нее перехватило дыхание, и она вдруг подумала, что точно так же тикали ходики сорок лет назад, когда мать пришла к ней в детскую, чтобы рассказать о смерти отца. Сейчас этот звук напомнил ей о непостижимом беге времени, которого с каждой секундой оставалось все меньше. Кейт вдруг показалось, что она падает в бездонную пропасть, из которой нет — не может быть — возврата. «Какая чушь, — подумала она. — Джо не допустит, чтобы со мной что-то случилось. В первую очередь он подумает обо мне, а уж потом обо всем остальном».

— Мистер Олбрайт испытывал новую конструкцию самолета, — продолжал голос в трубке, и Кейт неожиданно подумала о том, что обладатель его — совсем мальчишка, во всяком случае, звучал этот голос по-мальчишески молодо. Но, черт возьми, почему он звонит ей, этот едва знакомый парень? Почему Джо не позвонил сам?! Быть может, с ним все же что-то случилось?..

Впервые за всю жизнь Кейт почувствовала, как от страха у нее подгибаются ноги.

— Ч-что вы сказали? — переспросила она неожиданно севшим голосом.

— ...Я сказал, произошел взрыв, — повторил клерк. До этого он говорил так тихо, что Кейт едва разбирала отдельные слова, но последняя фраза буквально оглушила ее.

— Взрыв? — переспросила она. — Да вы хоть понимаете, что говорите?! Этого не может быть! Вы, наверное, ошиблись. Я знаю, что...

Кейт поперхнулась и не смогла продолжать. Она вдруг поняла, что последует дальше, — поняла и почувствовала, как рушатся стены ее маленького, безопасного, такого дорогого и счастливого мира.

— Прошу вас, не говорите ничего... — уронила она чуть слышно.

Некоторое время оба молчали. Глаза Кейт наполнились слезами ужаса и отчаяния, она не владела собой и не могла произнести ни слова. Клерк же молчал, ибо не знал, как быть, хотя сам вызвался известить миссис Олбрайт о случившемся. Кроме него, в конторе больше не нашлось смельчаков, кто взял бы на себя такую задачу.

— Они упали в самом сердце пустыни, — сказал он наконец.

Кейт закрыла глаза и выпрямилась, напряженно вслушиваясь в каждое слово. «Нет, — твердила она себе, — этого не могло случиться. Просто не могло. Наверняка произошла какая-то ошибка. Джо не мог поступить со мной так». И все же в глубине души она всегда знала — подобное может произойти. Знала и подсознательно ждала, хотя и не верила до конца. Она никогда не верила, что Джо может погибнуть — ведь он был таким молодым, энергичным, полным жизни. Да, ей приходилось встречаться со вдовами летчиков-испытателей, чьи мужья разбились, испытывая самолеты Джо. Он всегда сам навещал их, сам приносил страшные вести, а Кейт ездила с ним. Но как бы глубоко она ни сочувствовала этим женщинам, их горе было только их горем, их потеря — их потерей. По большому счету, ее это никак не касалось, и она успела привыкнуть к мысли, что так будет всегда.

И вот теперь ей звонит этот мальчик, этот едва оперившийся птенец, который, конечно же, не может даже догадываться, чем был для нее Джо. Наверняка он и Джо-то как следует не знал. Нет, разумеется, ему было известно, что мистер Джо Олбрайт — это тот самый человек, который много лет назад возглавил самолетостроительную фирму, со временем превратившуюся в настоящую империю с отделениями и филиалами по всему миру. Он, несомненно, знал, что Джо не просто человек, а живая легенда, но и только. А ведь в Джо же было много такого, чего не знал никто, кроме нее! Да и сама она потратила полжизни, чтобы понять, кто такой Джо Олбрайт...

— Кто-нибудь уже был на... месте катастрофы? — спросила Кейт, и голос ее дрогнул, несмотря на все усилия. «Если бы они побывали там, — думала она, — то наверняка нашли бы Джо живым и невредимым. Он бы выбрался из-под обломков и, отряхивая брюки, посмеялся бы над вытянутыми физиономиями спасателей». Он был таким, ее Джо, — ничто не могло причинить ему вреда.

Клерк немного поколебался, прежде чем ответить. Ему не хотелось говорить, что самолет взорвался в воздухе, осветив темнеющее небо на многие мили вокруг наподобие проснувшегося вулкана. Другой пилот, летевший много выше погибшего самолета, передал на землю, что взрыв был похож на вторую Хиросиму. От Джо Олбрайта не осталось ничего — только имя.

— Никакой ошибки нет, миссис Олбрайт. К сожалению... Могу я быть чем-нибудь полезен? Если вы одна, мы могли бы направить к вам кого-то из нашего местного отделения...

12 Кейт ответила не сразу — слова не шли на язык, а в голове образовалась звенящая пустота. «Я не

одна, — хотелось ответить ей, — со мной Джо». Но тогда бы они точно прислали к ней бригаду врачей. А объяснить этому мальчику, что никто и ничто не в силах отнять у нее Джо, Кейт не хотела.

— Со мной все в порядке, — выдавила она наконец.

Клерк явно обрадовался.

— Еще раз примите наши соболезнования, миссис Олбрайт, — сказал он. — Позднее кто-нибудь из наших служащих позвонит вам, чтобы договориться насчет... насчет необходимых приготовлений.

Кейт только тупо кивнула в ответ и, не прибавив больше ни слова, положила трубку. Ей нечего было сказать, да она и не смогла бы сейчас говорить. Она лишь смотрела за окно на заснеженный склон холма, а видела лицо Джо. Казалось, он стоит прямо перед ней — такой же, как всегда, такой же, как в тот день, когда они впервые встретились.

Потом Кейт захлестнула новая волна паники и ужаса, и ей пришлось приложить огромные усилия, чтобы совладать с собой. «Я должна быть сильной, — твердила она себе. — Должна быть сильной ради него. Нужно взять себя в руки. Я должна остаться такой, какой я была всегда, какой я стала благодаря ему». Джо ожидал бы от нее именно этого, и Кейт не могла его подвести. Нельзя уступать ужасу, нельзя сдаваться бездонному мраку, готовому поглотить ее с головой.

Закрыв глаза, Кейт негромко позвала Джо по имени, но знакомая комната, в которой они провели столько счастливых часов, не отозвалась даже эхом.

— Не уходи, Джо! — прошептала она, чувствуя, как слезы катятся по щекам. — Я не могу без тебя...

— Я здесь, Кейт. Я никуда не уйду. Ты сама отлично это знаешь.

Голос, раздавшийся у нее в ушах, был негромким, спокойным и казался настолько

реальным, что Кейт невольно оглянулась через плечо. Она знала — этот голос ей не почудился. Джо никогда не покинет ее; просто, подчиняясь высшему порядку мироустройства, он совершил то, что должен был, — отправился туда, где ему предназначено было пребывать: в свое любимое небо. Все годы, что они были вместе, он часто уходил от нее туда, вся разница заключалась в том, что прежде Джо обязательно возвращался. Но даже теперь, когда он поднялся в небо, чтобы остаться в нем навеки, для нее Джо остался таким же, каким был всегда: сильным, надежным, непобедимым.

И свободным.

Того, что произошло, нельзя было изменить никакими силами. Но Кейт знала: самый мощный взрыв, даже вселенская катастрофа не смогут отнять у нее Джо. Правила, применимые для обычных людей, к нему не подходили вовсе. Он не мог просто так взять и умереть — «отдать концы», «протянуть ноги», «сыграть в ящик». Он должен был уйти, а она — как уже не раз случалось — должна была отпустить его туда, в его настоящий дом. И для обоих это был последний подвиг самопожертвования, подвиг любви и мужества...

Но, несмотря на все это, Кейт чувствовала: жизнь без него для нее невообразима, невозможна. Глядя в сгущающиеся за окном снежные сумерки, она словно наяву видела, как Джо медленно уходит от нее в темноту. Вот он обернулся, чтобы улыбнуться ей в последний раз, и Кейт поняла, что видит его таким, каким он был тридцать четыре года назад. Таким, каким она его помнила и любила.

Ночь за окном наливалась тишиной, и в доме тоже воцарилась глухая, ватная тишина. Даже часы в прихожей — старинные ходики забытой швейцарской фирмы — остановились, перестали

стучать. Снег за окном валил стеной, белым саваном окутывая окрестности, а Кейт мысленно возвращалась все дальше и дальше в прошлое — в тот далекий вечер, когда они впервые увидели друг друга. Тогда ей было семнадцать, а Джо — двадцать девять, и он был молод и прекрасен. Эти незабываемые минуты изменили всю ее жизнь, Кейт до сих пор помнила, как подняла на него глаза и как он протянул ей руку, приглашая на танец.

И долгий, долгий танец начался...